

Материалы к типологии ассоциативной множественности: кубанский диалект кабардино-черкесского языка

Ирина Г. Багирокова

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия, ibagirokova@yandex.ru*

Алина И. Баранова

*Кельн, Германия
baranovaalinka@gmail.com*

Юрий А. Ландер

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия, yulander@yandex.ru*

Аннотация. В статье описываются две конструкции ассоциативной множественности в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка. Первая конструкция представляет собой классический пример употребления суффикса, также используемого для маркирования аддитивного множественного числа, с именами собственными – преимущественно для обозначения семьи фокального референта. Во второй конструкции появляется аналитический показатель, который может присоединяться к широкому кругу именных групп (в том числе неодушевленных, нереферентных и сочиненных), причем управляя их падежом. Для того чтобы описать особенности аналитической конструкции, предлагается задействовать в типологии ассоциативности не только «каноническую» иерархию одушевленности, но и ряд иерархий, включающий, в частности, иерархии определенности, числовой индивидуализованности и морфосинтаксической автономности.

Ключевые слова: ассоциативная множественность, кабардино-черкесский язык, определенность, индивидуализованность, морфосинтаксическая автономность

Для цитирования: Багирокова И.Г., Баранова А.И., Ландер Ю.А. Материалы к типологии ассоциативной множественности: кубанский диалект кабардино-черкесского языка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 7. С. 84–106. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-7-84-106

Data for the typology of associative plurals: Kuban Kabardian

Irina G. Bagirokova

*Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
HSE University, Moscow, Russia, ibagirokova@yandex.ru*

Alina I. Baranova

*Cologne, Germany
baranovaalinka@gmail.com*

Yury A. Lander

HSE University, Moscow, Russia, yulander@yandex.ru

Abstract. Kabardian (Northwest Caucasian) displays two associative plural constructions. The first pattern exploits the suffix which is also used for the expression of additive plural: it is added to proper names and normally provides a reference to the family of the focal referent. Within the second pattern, a specific associative plural marker follows a syntactically autonomous nominal. The latter pattern possesses several specific properties: the associative plural marker governs the case of the focal nominal, which can be represented even by inanimate, non-specific and coordinate NPs. To describe the Kabardian associative plural system, we would suggest using not only a simplified version of Animacy Hierarchy (as is often done in typological literature) but involving several other hierarchies including those of definiteness/referentiality, number individuation, and morphosyntactic autonomy.

Keywords: associative plural, Kabardian, referentiality, individuation, morphosyntactic autonomy

For citation: Bagirokova, I.G., Baranova, A.I. and Lander, Yu.A. (2020), "Data for the typology of associative plurals: Kuban Kabardian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 84-106, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-7-84-106

С шумным ветром улетело
Настроение плохое.
Сердце сразу захотело
Жить, любить и все такое.

Л. Леушина

1. Введение

Настоящая статья посвящена конструкциям, выражающим ассоциативную множественность в кабардино-черкесском языке (абхазо-адыгская семья): мы рассматриваем тип множественной референции, при котором референция к одним элементам множества

носит эксплицитный характер, а к другим – неэксплицитный [Даниэль 2000]. Так, в примерах (1) и (2) выделяется один *фокальный* участник (Руслан и Замира соответственно)¹, но соответствующая именная группа указывает на множество, элементом которого является фокальный участник².

- (1) *wəna.ʃhe-r* *rʷəslan-xe* *ja-tje-x^w-a*
 крыша-abs Руслан-PL 3PL.IO-LOC-падать-PST
 ‘Крыша упала на семью Руслана.’
- (2) *zamjəre* *səme* *nəpawə-r* *ja-p-a*
 Замира APL ребёнок-ABS 3PL.ERG-воспитывать-PST
 ‘Замира и те, кто с ней, воспитали ребёнка.’

Ассоциативная множественность противопоставлена в первую очередь аддитивной множественности, при которой каждый элемент описываемого множества подходит под описание через основу формы множественного числа [Барулин 1980], как в (3). Однако существуют и другие типы конструкций, выражающих множественность, – сочинительные и комитативные, в которых элементы множества перечисляются [Даниэль 2000; Архипов 2009], ср. (4).

- (3) *lə-xe-m* *pχe-xe-r* *ze-p-jə-x-a*
 мужчина-PL-OBL дрова-PL-ABS REC.IO-LOC-3SG.ERG-пилить-PST
 ‘Мужчины напилили дрова.’
- (4) *fjəzjəke-m-re* *matjematjəke-m-re* *č'etərje*
 физика-OBL-COORD математика-OBL-COORD четыре
qə-s-h-rjə *sə-šə -h-a*
 DIR-1SG.ERG-уносить-ADD 1SG.ABS-LOC-выходить-PST
 ‘По физике и математике я получила четверку и поступила.’

¹ Термин «фокальный участник» представляет собой соответствие “focal element” в [Daniel, Moravcsik 2005]. В [Даниэль 1999; 2000] используется термин «фокусный участник» – на наш взгляд, неудобный, поскольку термин «фокус» используется преимущественно для описания коммуникативной структуры. В [Даниэль 2000] участник, относительно которого определяется референция группы, именуется также эксплицитным референтом.

² Обсуждение семантики ассоциативных форм см. [Даниэль 1999; 2000; Moravcsik 2003; Daniel, Moravcsik 2005].

Как видно из (1)–(2), в кабардино-черкесском языке есть две конструкции ассоциативной множественности, морфологическая и аналитическая. Ниже они описываются для кубанского диалекта (говор аула Ходзь Республики Адыгея)³. Кабардино-черкесский язык представляет определенный интерес для типологии ассоциативности по двум причинам. Во-первых, две конструкции здесь различаются сферой употребления, причем одна из этих конструкций, аналитическая, используется чрезвычайно широко⁴. Во-вторых, кабардино-черкесские конструкции нетривиальным образом взаимодействуют с другими именными категориями – категорией числа и категорией падежа.

Кабардино-черкесский язык характеризуется как близкий к эталону агглютинации и полисинтетический – обладающий сложной морфологией, которая передает значительное количество информации о ситуации внутри слов. Помимо развитого вершинного маркирования (выражения актантов в сказуемом) в кабардино-черкесском языке имеется и зависимостное маркирование – падежная система. Традиционно (см., например, [Грамматика 1957; Грамматика 1970; Кабардино-черкесский язык 2006]) выделяется четыре падежа: два ядерных – абсолютный и косвенный (в литературе обычно именуемые именительным и эргативным), а также инструменталис (творительный падеж) и адвербиалис (обстоятельный падеж). Показатели падежей, как правило, появляются в именной группе один раз – на вершине (которая в норме замыкает группу). Суффикс инструменталиса в некоторых условиях – прежде всего при определенности именной группы – сочетается в одной форме с суффиксом косвенного падежа⁵. Маркеры ядерных падежей могут отсутствовать на личных местоимениях, именах собственных, в нереперентных именных группах и в посессивных

³ Кубанский диалект располагается в отдалении от основных кабардино-черкесских диалектов и отличается от них во многих отношениях [Кумахов 1969]. Соответственно, хотя основные факты, излагаемые в нашей статье, по-видимому, верны и для литературного кабардино-черкесского языка, нельзя исключать, что мы фиксируем и некоторые инновации кубанского диалекта.

⁴ Конструкции ассоциативной множественности присутствуют и в других живых абхазо-адыгских языках; см., в частности, обсуждение адыгейской ассоциативной множественности в [Bagirokova et al., to appear]. Конструкция с полноценным аналитическим ассоциативом с широкой сферой использования, насколько нам известно, зафиксирована только для кабардино-черкесского языка.

⁵ См. подробное обсуждение аналогичного явления в близкородственном адыгейском языке в [Сердобольская, Кузнецова 2009].

группах. Противопоставляются две формы аддитивного числа – немаркированная форма (обычно выражающая единственное число) и форма множественного числа, маркируемая суффиксом *-xe*. Для нас существенно, что в аддитивных формах множественного числа консультанты обычно настаивают на присутствии падежного маркера независимо от других свойств именной группы.

Во втором разделе статьи мы касаемся основных параметров типологии ассоциативной множественности. В третьем и четвертом разделах подробно рассмотрены конструкции с *-xe* и *səte*. Пятый раздел содержит некоторые предложения, касающиеся описания типологии ассоциативной множественности. В последнем разделе представлены выводы и возможные направления дальнейших исследований.

2. Параметры типологии ассоциативных конструкций

В литературе по ассоциативной множественности (см., например, [Daniel, Moravcsik 2005]) обычно обсуждаются три параметра типологии этих конструкций: (i) тип группы, (ii) тип фокального элемента, (iii) формальный тип маркирования.

Тип группы. Согласно [Daniel, Moravcsik 2005], конструкции ассоциативной множественности могут обозначать следующие группы (X – фокальный элемент): (i) ‘ X и его семья’; (ii) ‘ X и его друзья или знакомые’; (iii) ‘ X и другие члены временно существующей группы, членом которой является X ’. Языки могут разрешать либо исключительно первую интерпретацию ассоциативных конструкций, либо первую и вторую, либо все три возможные интерпретации (см. также [Даниэль 2000]).

Допустим и другой подход к семантике ассоциативности: отношение между участниками группы может извлекаться либо из лексической семантики имени-основы, либо из контекста и только в отдельных случаях приписываться самой конструкцией. К первому случаю относятся, в частности, примеры, когда форма ассоциативной множественности от слова ‘отец’ означает ‘родители’, ко второму – обозначения ситуативно заданных групп, к третьему – прежде всего конструкции, ограничивающие группы описанием семьи независимо от фокального элемента. Тогда интерпретация ассоциативных конструкций оказывается подобна, например, интерпретации посессивных конструкций, в которых посессивное отношение также извлекается либо из лексической семантики, либо из контекста (см., например, [Partee 1997]).

Говоря о типе группы, следует заметить, что ассоциативная множественность, выражая замкнутую совокупность объектов, противопоставляется в литературе некоторым сходным значениям – прежде всего симилиативной множественности, выражению открытого, «размытого» класса, включающего эксплицированный референт и другие объекты, обладающие чертами сходства с ним [Даниэль 2000]; ср. выражения вроде *танцы-шманцы, танцы и всё такое*. Это противопоставление очевидно в языках, использующих специфицированные симилиативные конструкции. Вместе с тем, если ассоциативная и симилиативная множественность охватываются одной конструкцией, провести четкую границу между ними оказывается чрезвычайно сложно: симилиативная множественности может изображаться как та же конструкция, но с ослаблением отношения, меньшей привязкой его к описываемой ситуации и, как следствие, с меньшей определенностью выражаемой группы.

Тип фокального элемента. В [Daniel, Moravcsik 2005] фактически представлена иерархия, позволяющая описать лексические ограничения на существительные, которые образуют конструкции ассоциативной множественности:

- (5) Имена собственные > Термины родства > Прочие нарицательные имена, обозначающие людей > Имена, не обозначающие людей

Чем ниже позиция имени на этой шкале, тем менее вероятно образование ассоциативной конструкции. Если в языке образуются ассоциативные формы от существительных, находящихся ниже на шкале, в нем ожидаются и ассоциативные формы от существительных, которые располагаются выше.

Легко заметить, что приведенная иерархия представляет собой разновидность шкалы одушевленности [Corbett 2001, pp. 83–84]. Правда, в этой версии шкалы одушевленности отсутствуют местоимения, присутствующие в других версиях, но множественное число местоимений 1-го и 2-го лица часто несет ассоциативное значение (ср. *мы* ‘я и те, кто со мной’, *вы* ‘ты и те, кто с тобой’; см., например, [Даниэль 2000; Vassilieva 2005]). Соответственно добавить их в иерархию (5) не представляет труда.

Формальный тип маркирования. Значение ассоциативности выражается разными способами. М.А. Даниэль [Даниэль 2000] противопоставляет морфологические, аналитические и синтаксические ассоциативы. Морфологические ассоциативы подразумевают присутствие морфологически связанного показателя, который может совпадать с показателем аддитивной множественности или представлять собой специфицированный маркер ассоциатив-

Таким образом, с точки зрения функции для кабардино-черкесского языка можно говорить об ассоциативных формах. Ниже мы увидим, что эти формы не ограничиваются употреблением, описанными в грамматиках.

Формальные особенности. Несмотря на сходство с аддитивными формами, у морфологических ассоциативов обнаруживаются весьма интересные особенности – в первую очередь во взаимодействии с категорией падежа. В то время как в аддитивных формах множественного числа, маркируемых *-xe*, показатели падежей обычно оказываются обязательными, в ассоциативных формах с тем же суффиксом показатели ядерных падежей опускаются [Кумахов 1971, с. 5–6] – как в позиции, которая обычно требует косвенного падежа (9), так и в позиции, которая обычно требует абсолютного падежа (10).

- (10) *amjəne-xe* *twəʃ'anə-m* *ʃə-t-lak^v-a*
 Амина-PL магазин-OBL LOC-1PL.ERG-видеть-PST
 'Мы видели семью Амины в магазине.'

Отсутствие падежного показателя не является для ассоциативов с *-xe* обязательным:

- (11) *ashad-xe(-m)* *ja-ʒ'a-p-ʔ-a?*
 Асхад-PL-OBL 3PL.IO-PRF-2SG.ERG-говорить-PST
 'Ты сказал Асхаду и его семье?'

Формы с выраженным показателем косвенного падежа употребляются с большей легкостью, чем формы с показателем абсолютного падежа. Это коррелирует и с тем, насколько легко падежные показатели опускаются в других конструкциях, – согласно нашим предварительным наблюдениям, по крайней мере при нереперентных именных группах отсутствие абсолютного показателя допускается чаще, чем отсутствие косвенного.

Показатели неядерных падежей сочетаются с ассоциативными формами, но в отличие от маркеров ядерных падежей не опускаются. Ср. присоединение адвербиалиса (12) и инструменталиса (13) (появление косвенного падежа в сочетании с последним ожидаемо факультативно):

- (12) *tə* *wəne-r* *z-je-r* *mwəse-x-wə=ra?*
 этот дом-ABS REL.IO-POSS+иметься-ABS Муса-PL-ADV=COP+Q
 'Это дом Мусы и его семьи?' (Букв.: 'Тот, чей этот дом, – Муса и его семья?')

- (13) *rome-xe(-m)-č'e* *də-r-je-kʷe-č'ə-rjə*,
 Рома-PL-OBL-INS 1PL.ABS-TRANS-DAT-идти-выходить-ADD
mwəse-xe(-m)-č'e *də-qə-de-č'ə-ž'-a*
 Муса-PL-OBL-INS 1PL.ABS-DIR-LOC-выходить-RE-PST
 'Мы прошли в сторону дома Ромы и его семьи и вышли через то место, где живет Муса с семьей.'

Функционирование. При элицитации в отсутствие контекста носители практически всегда настаивают на том, что суффиксальные ассоциативные формы выражают отношения родства. Тем не менее иногда допускается и другой перевод:

- (14) *ashad-xe(-r)* *wəramə-m* *tje-t(-xe)*
 Асхад-PL-ABS улица-OBL LOC-стоять-PL
 'Асхад и его друзья на улице.'

Показатель *-xe* в ассоциативной функции присоединяется исключительно к именам собственным, указывающим на людей,⁶ и не сочетается с терминами родства (ср. примеры 15а и 15b). Разумеется, имена собственные, образующие ассоциативные формы, всегда представляют собой определенные именные группы, указывающие на единичный референт.

- (15) а. *marjəne-xe* *ja-pšante-m* *praznikə-r*
 Марина-PL 3PL.IO+POSS-двор-OBL праздник-ABS
šə-xe-d-ve.wənexʷə-č'-a
 LOC-LOC-1PL.ERG-отмечать-выходить-PST
 'Праздник мы отмечали во дворе семьи Марины.'
- б. **praznikə-r* *šə-xe-ve.wənexʷə-č'-a*
 праздник-ABS LOC-LOC-отмечать-выходить-PST
s-j-ade-xe-m *ja-pšante-m*
 1SG.IO-POSS-отец-PL-OBL 3PL.IO+POSS-двор-OBL
 (Ожид. 'Праздник отмечался во дворе семьи моего отца.')

⁶ Употребление с именами собственными, указывающими на животных, иногда допускается, но на наш взгляд оно свидетельствует о явлении вроде персонификации – поднятии референта/именной группы по шкале одушевленности.

Ассоциативный *-xe* присоединяется и к сложным выражениям – сочетаниям фамилии и имени (16). В адыгских языках сочетания такого рода могут образовывать «именной комплекс» – сложные образования, обнаруживающие свойства единого слова (см. о них [Lander 2017]). Однако в кабардино-черкесском языке, по-видимому, происходит переосмысление именного комплекса как словосочетания. В результате сказать с уверенностью, что в (16) суффикс присоединяется к сочетанию слов или образованию, более «спяянному» с морфологической точки зрения, по-видимому, невозможно.

- (16) *qʷəʃhe zewərbja-xe(-m) ja-ʒʹegʷə-m*
 Кушхов Заурбий-PL-OBL 3PL.IO+POSS-свадьба-OBL
sə-qə-r-a-ke-blek-a
 1SG.ABS-DIR-DAT-3PL.ERG-CAUS-близкий-PST
 ‘Семья Заурбия Кушхова пригласила меня на свадьбу.’

Иногда суффиксальные ассоциативные формы допускают референцию к группе, в данный момент не включающей фокального референта (17).

- (17) *mwəse-xe ʋʷe-lə-žʹ-a-xe, awe jezə mwəse še-s-qəm,*
 Муса-PL LOC-лежать-RE-PST-PL но сам Муса LOC-сидеть-NEG
qale-m kʷ-a
 город-OBL идти-PST
 ‘Семья Мусы уже легла спать, но самого Мусы (дома) нет, он уехал в город.’

Вероятно, с ассоциативной формой в кабардино-черкесском языке связано регулярное обозначение фамилий формами, образованными суффиксом *-xe* от собственных имен. В литературном языке и в этом случае регулярно отсутствуют падежные маркеры [Кумахов 1971, с. 5–6], но в кубанском диалекте – как и в случае ассоциативной множественности – появление падежных маркеров факультативно:

- (18) *mjerjem.xe(-m) ze-xe-s ja-ʃə-n-wə*
 Меремовы-OBL REC.IO-LOC-сидеть 3PL.ERG-делать-MOD-ADV
r-a-χʷə-h-a
 LOC-3PL.ERG-случаться-уносить-PST
 ‘Меремовы решили устроить вечеринку.’

- (19) *anzwer ja-ze.xe.la.č'e-č' e qʷəšhe.xe(-m)-č'e kʷ-a*
 Анзор POSS-строение-INS Кушховы-OBL-INS идти-PST
 'Анзор фигурой пошел в Кушховых.'

4. Конструкция с показателем *səme*

Кабардино-черкесский язык принадлежит к языкам со специализированным аналитическим показателем ассоциативной множественности. Таким маркером является служебное слово *səme* (ср. пример 2). В литературе обычно сообщается, что этот показатель присоединяется к (личным) именам собственным [Турчанинов, Цагов 1940, с. 53; Кумахов 1971, с. 25; Кабардино-черкесский язык 2006, с. 103; Жилетежев 2010]⁷, хотя, как мы увидим ниже, в кубанском диалекте это ограничение не работает. Более того, у *səme* обнаруживаются и другие особенности, указывающие, что перед нами совсем другое явление, нежели простая суффиксальная ассоциативная конструкция.

Формальные особенности. Показатель *səme* присоединяется к полной именной группе с фиксированным косвенным падежом – можно сказать, что падеж этот управляется показателем ассоциативной множественности. Так как падежные показатели на именах собственных в кабардино-черкесском языке регулярно отсутствуют, чтобы проиллюстрировать это, приходится обратиться к примерам с нарицательными существительными:

- (20) *s-j-ane-s-j-ade-xe-r ja-χʷen-a*
 1SG.IO-POSS-мать-1SG.IO-POSS-отец-PL-ABS 3PL.IO+DAT-ругать-PST
s-jə-padrugə-m səme
 1SG.IO-POSS-подруга-OBL APL
 'Мои родители ругали мою подругу и тех, кто с ней.'
- (21) *mə je.fa.kʷe-m səme d-wəž'ekʷ-a*
 этот пьяница-OBL APL 1PL.ERG-скучать-PST
 'Компания этого пьяницы уже нам надоела.'

⁷ В [Кабардино-черкесский язык 2006, с. 364] сообщается, что аналитический показатель ассоциативности «[с]очетается только с нарицательным именем человека или с вопросительным местоимением *xəm?* “кто”». Поскольку все примеры на сочетание показателя с именами далее включают имена собственные, в данном случае можно думать об опечатке.

Как показывают приведенные примеры, конструкция с *səme* употребляется и в позиции, в которой существительные обычно маркируются косвенным падежом, как в примере (20), где *sjəpadrugem səme* выступает в качестве непрямого объекта при глаголе 'ругать', и в позиции, предполагающей маркирование существительного показателем абсолютива (ср. пример (21) – в качестве пациенса переходного глагола). В отличие от обычных именных групп в этих позициях, конструкция с *səme* не присоединяет показатели ядерных падежей.

Показатели неядерных падежей к *səme* присоединяются:

- (22) *sjəme səme qə-šə-r-je-ka-ž'-wə zəre səme-č' e*
 Сима APL DIR-LOC-LOC-DAT-CAUS- Зара APL-INS
 отправляться-ADV
jə-wəxə-ž'-wə pšew-m-jə q-jə-ž'e.
 LOC-заканчивать-RE-ADV все-OBL-ADD DIR-3PL.IO+DAT-звать
 'Зови всех, начиная с Симы и ее семьи и заканчивая Зарой с ее компанией.'
- (23) *mew-b-dje šə-t-xe-r zəwər səm-wə pe.re?*
 тот-OBL-APUD LOC-стоять-PL-ABS Заур APL-ADV Q
 'Те, что там стоят, – это Заур со своей компанией?'

Другая особенность *səme* состоит в том, что этот показатель может следовать за сочинительной конструкцией, обозначающей несколько элементов множества. Так, в (24) эксплицитно представлена референция к двум элементам множества⁸. Ассоциативная конструкция, образованная от формы множественного числа вроде (25), признается недопустимой.

- (24) *jəjəne-re rəwəslan-re səme škola-r*
 Ирина-COORD Руслан-COORD APL школа-ABS
rjəmont ja-š-a
 ремонт 3PL.ERG-делать-PST
 'Ирина, Руслан и те, кто с ними, отремонтировали школу.'

⁸ Аналогичный пример сочинительной конструкции в сочетании с *səme*, по-видимому взятый из фольклорных текстов, приводит Р. Матасович в своем обзоре кабардино-черкесской грамматики [Matasović 2010, p. 18]. См. также [Кабардино-черкесский язык 2006, с. 103].

- (25) *a χəʒ'ebz-xe-t səme wə-rja-b'əs-wə
 тот девушка-PL-OBL APL 2SG.ABS-3PL.IO+POSS-спутник-ADV
 wə-s-ʃ'əpsə-ne-qəm
 2SG.ABS-1SG.ERG-пускать-FUT-NEG

(Ожид.: 'Я тебя с компанией этих девушек не пущу.')

Несмотря на то что в [Даниэль 2000] не отрицается возможность эксплицитного выражения более одного элемента множества в ассоциативных конструкциях, автор говорит, что убедительный пример такой структуры встречается только в конструкциях с личными местоимениями множественного числа. Кабардино-черкесские конструкции типа (24), однако, демонстрируют, что существует по крайней мере один язык, где обычные сочинительные группы могут образовывать ассоциативы.

Функционирование. В отличие от ассоциативного показателя *-xe*, *səme* не обнаруживает узких ограничений на тип фокального элемента. Именные группы, с которыми сочетается *səme*, включают группы, образованные указательными местоимениями (26)⁹, именами собственными (27), терминами родства (28), другими нарицательными одушевленными группами, обозначающие людей (29), и даже (хотя и не у всех наших консультантов) именные группы, не обозначающие людей, – одушевленные (30) и неодушевленные (31):

- (26) a-bə.m səme s-ja-psele-b-a-t
 тот-OBL APL 1SG.ABS-3PL.IO+DAT-говорить-PST-PST-RS
 'Я поговорил с ней и ее компанией.'

- (27) sase səme neg'əfe-xe-t
 Саса APL веселый-PL-IPF
 'Саса и те, кто с ней, были очень веселыми.'

⁹ Зафиксировано употребление *səme* с вопросительным местоимением:

- (i) xet səme a w-jə-b'əs-a-te-r?
 кто səme тот 2SG.IO-POSS-спутник-PST-RS-ABS
 'Кто (мн. ч.) это с тобой был?'

Не исключено, что здесь представлена не ассоциативная конструкция, а конструкция выражения группы (как в примере (33) далее).

- (28) *s-jə-tjoŋje-m* *səme* *nəpawə-r*
 1SG.IO-POSS-тётя-OBL APL ребёнок-ABS
ja-p-a
 3PL.ERG-воспитывать-PST
 ‘Моя тётя и те, кто с ней, воспитали ребёнка.’
- (29) *ʃale-m* *səme* *qale-m* *qʷ-a*
 парень-OBL APL город-OBL идти-PST
 ‘Парень и те, кто с ним, уехали в город.’
- (30) *s-jə-melə-m* *səme* *qʷed-a*
 1SG.IO-POSS-баран-OBL APL исчезать-PST
 ‘Мой баран и другие (животные) пропали.’
- (31) *a* *skripke-m* *səme* *qʷed-a*
 тот скрипка-OBL APL исчезать-PST
 ‘Та скрипка и другие (предметы) пропали.’

При одушевленном фокальном элементе, называющем человека, конструкция может обозначать множество, объединяющее фокальный референт и его родственников, друзей или знакомых, а также случайную группу, членом которой оказался фокальный референт. При одушевленном фокальном элементе, не обозначающем человека, и неодушевленном фокальном элементе также подразумевается не всегда жестко определенная группа. Таким образом, конструкция с *səme* допускает все три интерпретации, описанные в [Daniel, Moravcsik 2005].

Впрочем, как показывает следующий пример, использование *səme* не ограничивается конструкциями ассоциативной множественности:

- (32) *txələm* *səme* *ten-č'-jə* *ʃ-a-ʃe*
 книга-OBL *səme* где-INS-ADD LOC-3PL.ERG-продавать
 ‘Учебники (букв. книги) и тому подобное продают везде.’

В (32) *txələm* ‘книга’ не имеет уникального референта, «вокруг» которого строится множество. Группа, образованная *səme*, не указывает на какое-либо ограниченное множество и может описывать неоднородный класс предметов, включающий книги,

тетради и т. п., выделяемый лишь по функциональному сходству. Фактически конструкция с *səme* здесь выражает симилятивную множественность, а не ассоциативную множественность в строгом смысле. С учетом этого *səme* нельзя описывать как исключительно ассоциативный показатель, поскольку набор его функций шире. В то же время примеры вроде (32) принимаются лишь частью наших консультантов и, вероятно, представляют собой инновацию.

Заметим, что *səme* используется и в конструкциях, в которых эксплицировано все множество, – после перечисления всех участников группы (ср. [Кабардино-черкесский язык 2006, с. 103]):

- (33) *wəne.ze.ʔ^wə.xə-m* *qə-z-de-ʔepəq^w-a-xe-r* *anjəsjet*,
 уборка.дома-OBL DIR-1SG.IO-COM-помогать-PST-PL-ABS Анисет
- nwərijəjet*, *zwərijəjet* *səme*
 Нуриет Зуриет *səme*
- ‘В уборке дома мне помогли (букв. те, кто помогал мне в уборке дома) Анисет, Нуриет и Зуриет.’

5. От кабардино-черкесского языка к типологии ассоциативности

Итак, в кабардино-черкесском языке имеется две конструкции, претендующие на статус ассоциативных. При этом они разительно отличаются друг от друга – и особенности этих конструкций не всегда можно описать в терминах, принятых в типологии ассоциативной множественности. В связи с этим ниже предлагаются дополнительные параметры, которые следует учитывать при обсуждении типологии ассоциативности.

1. Прежде всего отметим недостаточность иерархии (5) для описания специфики конструкции с *səme* – ее исключительно широкой сферы употребления, отличающей ее от аналогичных конструкций (как от конструкции с *-xe*, так и от конструкций ассоциативной множественности во многих других языках). Эта проблема решается, если мы допускаем, что явления, описываемые через шкалу одушевленности, отражают не одну иерархию, а несколько. В [Croft 2002] противопоставляются четыре независимых, хотя и связанных, измерения:

- (34) а. Лицо: Первое, второе > третье
- б. Референциальный тип вершины именной группы:
 Местоимение > имя собственное > [термин родства] >
 > нарицательное имя
- с. Одушевленность: Человек > Не-человек (одушевленный) >
 > Неодушевленный
- д. Определенность: Определенная именная группа >
 > Неопределенная референтная именная группа >
 > Нереферентная именная группа

Конструкции ассоциативной множественности могут изучаться с точки зрения каждой из этих иерархий. Очевидно, что они всегда тяготеют к верху иерархий (34). В то же время языки ограничивают ассоциативные конструкции точками на разных иерархиях. Например, мы можем говорить о языках, в которых ассоциативное значение возникает только у местоимений первого и второго лица в соответствии с иерархией (34а), о языках, ограничивающих ассоциативные конструкции местоимениями и именами собственными (34б), о языках, требующих, чтобы фокальный элемент описывал человека или по крайней мере имел одушевленного референта (34с). Для кабардино-черкесской аналитической ассоциативной конструкции важно, что фокальный элемент не просто бывает неодушевленным, но и не обязательно должен быть определенным, то есть способен занимать достаточно низкие позиции в иерархии (34д). При появлении неопределенного (вероятно, нереферентного или родового) фокального референта как раз и наблюдается использование конструкции с *səte* для выражения симилятивной множественности, как в (32). В этом смысле симилятивная множественность является своего рода продолжением ассоциативной множественности, так что не очевидно, что эти два значения должны быть строго разграничены.

2. Однако и иерархий (34) для описания кабардино-черкесской ассоциативной множественности недостаточно: помимо прочего мы должны отразить, что *səte* присоединяется к сочинительным конструкциям. Мы предполагаем, что это свойство отражает степень индивидуализованности фокального элемента в соответствии с иерархией (35):

- (35) Единственное число > Перечисление элементов >
 > Аддитивное множественное число

Установление референции группы при выражении ассоциативной множественности требует, чтобы точка отсчета для этой референции (фокальный элемент) была четко установлена, противопоставлена другим объектам, другими словами — индивидуализована. Единственный, уникальный элемент обладает высокой степенью индивидуализации по сравнению с любым множеством. Но четко заданное множество (с перечисленными элементами) лучше противопоставлено прочему, чем нечетко заданное множество, определяемое исключительно через характеристики его элементов (как в случае аддитивной множественности). Следовательно, сочинительное выражение множественности действительно должно легче выступать в качестве фокального элемента, чем формы обычного аддитивного множественного числа.

3. Наконец, отдельный параметр, существенный для типологии выражения множественности, составляет морфосинтаксическая автономность элемента, от которого образуется конструкция множественного числа. Мы представляем ее следующим образом¹⁰:

- (36) Неавтономная основа/часть слова > Полное слово >
 > Сложная группа с внутренней подчинительной структурой >
 > Сложная группа с внутренней сочинительной структурой

Постулируя эти четыре категории, мы исходим из допущения, что в языках в норме противопоставляются морфологические и синтаксические правила. Неавтономная основа — единица, неподвластная синтаксическим правилам, полное слово — минимальная единица, с которыми они могут работать, сложная группа — группа, состоящая из нескольких слов¹¹.

Показатели ассоциативной множественности регулярно присоединяются к словам и сложным именным группам, даже если эти показатели удобно описывать как аффиксы. Ср. (37), где посесивное определение относится скорее не ко всему обозначаемому множеству, а лишь к фокальному референту. Здесь кажется естественным признать, что маркер ассоциативной множественности присоединяется к целой именной группе:

¹⁰ Хотя (36) приводится в виде иерархии, для наших целей направленность этой иерархии не принципиальна.

¹¹ Мы намеренно не затрагиваем здесь вопрос о семантической композиции. Типы (36) во многих случаях могут иметь корреляты в семантических типах (например, в наличии/отсутствии спецификации по тем или иным категориям, включая референцию), но мы предполагаем, что эта корреляция не абсолютна.

(37) Тантынский даргинский [Сумбатова, Ландер 2014, с. 51]

[*ʒeʃla* *t:at:i-qali* *b-ač'-ib*

ты:GEN отец-APL Н.PL-приходить:PFV-PRET

‘Пришёл твой отец со своими друзьями.’

Конструкции ассоциативной множественности тяготеют скорее к середине иерархии (36). Тем не менее в кабардино-черкесском языке показатель *səme* способен присоединяться как к подчинительной, так и к сочинительной сложной группе. Более того, в результате деморфологизации именного комплекса суффикс *-xe* появляется и на сложной группе, в том числе и в ассоциативном значении (см. пример 16).

6. Заключение

Итак, для описания конструкций ассоциативной множественности в кабардино-черкесском языке недостаточно стандартных параметров, используемых в типологии ассоциативности. В связи с этим мы предложили, во-первых, использовать вместо так называемой шкалы одушевленности несколько шкал индивидуализации – лицо, тип именной группы, одушевленность, референциальный статус, а кроме того, дополнительные параметры, включающие числовую индивидуализацию и формальный тип элемента, от которого образуется конструкция.

Эти параметры важны не только для ассоциативной множественности, но и для других типов множественной референции. В частности, выражение аддитивной множественности может быть привязано не только к одушевленности, но и, например, к определенности: существуют языки, в которых противопоставление по числу реализуется только для определенных или только для референтных именных групп [Corbett 2001, pp. 278–279]. Не менее релевантна для аддитивной множественности и шкала (36). Формы аддитивной множественности, наблюдаемые в языках средневропейского стандарта, обычно образуются от неавтономных основ. В то же время в других языках показатели числа (аналитические или синтетические) присоединяются к единицам, свободно функционирующим на синтаксическом уровне, – словам или сложным группам.

Сочинительное и комитативное выражение множественности также может быть привязано к разным параметрам. Так, нереферентные группы иногда сочиняются хуже, чем референтные, а оду-

шевленность порой влияет на выбор сочинительной конструкции [Haspelmath 2004, p. 12] и является типичной (хотя и не обязательной) для комитативной конструкции [Архипов 2009, с. 96]. Сочинительное и комитативное выражение множественности не типично для основ и более типично для слов и сложных групп, но оно наблюдается и при неавтономных элементах – например, в так называемых компаундах *dvandva*.

Для установления четких зависимостей между семантически и формальными типами лингвистических единиц и возможностью/вероятностью тех или иных конструкций выражения множественности требуются дополнительные исследования на большом типологическом материале. Тем не менее отрадно думать, что ассоциативная множественность вписывается в схемы, не ограниченные ею самой.

Благодарности

Авторы признательны за обсуждение кабардино-черкесского материала участникам Адыгейских экспедиций НИУ ВШЭ и РГГУ 2015 и 2016 гг. (а. Ходзь и Блечепсин) и в особенности П.М. Аркадьеву, за обсуждение общих вопросов типологии ассоциативности – М.А. Даниэлю, за комментарии по ранней версии статьи – анонимному рецензенту. Ответственность за возможные ошибки лежит на авторах.

Acknowledgments

The authors are grateful to the participants of the Circassian field trips to the villages of Hodz and Blechepsin (organized by HSE University and RSUH in 2015 and 2016) and in particular to Peter Arkadiev for a discussion of Kabardian data. We also thank Michael Daniel for discussions of the typology of associative plurals and an anonymous reviewer for comments on an early version of this paper. All errors are ours.

Сокращения

ABS – абсолютив, ADD – аддитив, ADV – адвербиалис, APL – ассоциативная множественность, APUD – ‘возле’, CAUS – каузатив, COM – комитатив, COORD – сочинение, COP – копула, DAT – дативный преверб, DCL – декларатив, DIR – директив, EMPH – эмфаза, ERG – префикс эргативной серии, FUT – будущее время, GEN – генитив, H – ‘человек’, INS – инструменталис, IO – не прямой объект, IPF – имперфект, LOC – локативный преверб, LOCANAPH – локативное местоимение, MOD – модальный показатель, NEG – отрицание, OBL – косвенный падеж, PFV – перфектив, PL – множественное число,

POSS – посессив, PRET – претерит, PRF – этимологический префикс при глаголе ‘говорить’, PST – прошедшее время, Q – показатель вопроса, RE – рефактив, REC – реципрок, REL – относительный префикс, RS – ретроспективный сдвиг, SG – единственное число, TRANS – транслатив.

Литература

- Архипов 2009 – *Архипов А.В.* Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Барулин 1980 – *Барулин А.Н.* Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков / Ред. В.М. Андрищенко. М.: МГУ, 1980. С. 145–164.
- Богданов 1968 – *Богданов В.Н.* Особый случай диалектного согласования сказуемого с подлежащим по смыслу и категория представительности // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1968. № 4. С. 68–75.
- Грамматика 1957 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд. АН СССР, 1957.
- Грамматика 1970 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970.
- Даниэль 1999 – *Даниэль М.А.* Семантические типы ассоциативности (на материале багвалинского языка) // Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию А.Е. Кибрика / Ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 362–370.
- Даниэль 2000 – *Даниэль М.А.* Типология ассоциативной множественности: Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 1999.
- Жилетежев 2010 – *Жилетежев Х.Ч.* Особенности выражения числа собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2010. Вып. 4. С. 148–155.
- Кабардино-черкесский язык 2006 – Кабардино-черкесский язык: монография: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 1.
- Кумахов 1969 – *Кумахов М.А.* Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии / Ред. М.А. Кумахов. Нальчик, 1969.
- Кумахов 1971 – *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
- Сердобольская, Кузнецова 2009 – *Сердобольская Н.В., Кузнецова Ю.Л.* Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 166–200.
- Сумбатова, Ландер 2014 – *Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А.* (при уч. М.Х. Мамаева). Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. I. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.
- Bagirokova et al., to appear – Bagirokova, I., Lander, Yu. and Phelan, P. Number in West Circassian // Number in the world's languages / P. Acquaviva, M. Daniel (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter.

- Corbett 2001 – *Corbett G.G.* Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Croft 2002 – *Croft W.* Typology and universals. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Daniel, Moravcsik 2005 – *Daniel M., Moravcsik E.* The associative plural // The world atlas of language structures / M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 150–153.
- Haspelmath 2004 – *Haspelmath M.* Coordinating constructions: An overview // *Coordinating constructions* / M. Haspelmath (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 3–39.
- Hellwig 2011 – *Hellwig B.* A grammar of Goemai. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Lander 2017 – *Lander Yu.A.* Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax // *Studies in Language*. 2017. Vol. 41. no. 1. P. 76–98.
- Matasović 2010 – *Matasović R.* A short grammar of East Circassian (Kabardian). 9th version. Zagreb, 2010.
- Moravcsik 2003 – *Moravcsik E.* A semantic analysis of associative plurals // *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. P. 469–503.
- Partee 1997 – *Partee B.H.* Genitives – A case study // *The handbook of logic and language* / J. Van Benthem, A. ter Meulen (eds.). Amsterdam: Elsevier, 1997. P. 464–470.
- Vassilieva 2005 – *Vassilieva M.B.* Associative and pronominal plurality: Ph.D. Thesis. New York: Stony Brook University, 2005.

References

- Arkhipov, A.V. (2009), *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [A typology of comitative constructions], Znack, Moscow, Russia.
- Bagirokova, I., Lander, Yu. and Phelan, P. (To appear), “Number in West Circassian”, in Acquaviva, P. and Daniel, M. (eds.), *Number in the world's languages*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany.
- Barulin, A.N. (1980), “The category of number in pronouns”, in Andryushchenko, V.M. (ed.), *Issledovaniya v oblasti grammatiki i tipologii yazykov* [Studies in grammar and linguistic typology], Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 145–164.
- Bogdanov, V.N. (1968), “A peculiar case of dialectal subject-predicate semantic concord and the category of representative plural”, *Research papers of higher school, Filologicheskije nauki*, vol. 4, pp. 68–75.
- Corbett, G.G. (2001), *Number*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Croft, W. (2002), *Typology and universals*, 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Daniel, M.A. (1999), “Semantic types of associativity (Bagvalal data)”, in Rachilina, Ye.V. and Testelets, Ya.G. (eds.), *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu* [Typology and theory of language: from description to explanation. Toward the sixtieth anniversary of A.E. Kibrik], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 362–370.

- Daniel, M.A. (2000), *Tipologiya assotsiativnoy mnozhestvennosti* [The Typology of associative plurality], Ph.D. Thesis, RSUH, Moscow, Russia.
- Daniel, M. and Moravcsik, E. (2005), "The associative plural", in Haspelmath, M., Dryer, M.S., Gil, D. and Comrie, B. (eds.), *The world atlas of language structures*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 150–153.
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [A Grammar of Standard Kabardian] (1957), Academy of Sciences of the USSR, Moscow, USSR.
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [A Grammar of Standard Kabardian] (1970), part 1: Phonetics and Morphology, Nauka, Moscow, USSR.
- Haspelmath, M. (2004), "Coordinating constructions: An overview", in Haspelmath, M. (ed.), *Coordinating constructions*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 3–39.
- Hellwig, B. (2011), *A grammar of Goemai*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany.
- Kabardino-cherkesskii yazyk* [Kabardian language] (2006), in 2 vols., vol. 1, El'-Fa, Nalchik, Russia.
- Kumakhov, M.A. (1969), "The Kuban dialect", in Kumakhov, M.A. (ed.) *Ocherki kabardino-cherkesskoy dialektologii* [Essays in Kabardian dialectology], Nalchik, USSR.
- Kumakhov, M.A. (1971), *Slovoizmeneniye adygsikh yazykov* [Inflection in Circassian languages], Nauka, Moscow, USSR.
- Lander, Yu.A. (2017), "Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax", *Studies in Language*, vol. 41, no. 1, pp. 76–98.
- Matasović, R. (2010), *A short grammar of East Circassian (Kabardian)*, 9th version, Zagreb, Croatia.
- Moravcsik, E. (2003), "A semantic analysis of associative plurals", *Studies in Language*, vol. 27, pp. 469–503.
- Partee, B.H. (1997), "Genitives – a case study", in van Benthem, J. and ter Meulen, A. (eds.), *The handbook of logic and language*, Elsevier, Amsterdam, Netherlands, pp. 464–470.
- Serdobol'skaya, N.V. and Kuznetsova, Yu.L. (2009), "Double case marking. A peculiar phenomenon in Adyghe", in Testelefs, Ya.G. (ed.), *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka* [Aspects of polysynthesis. Essays on the grammar of the Adyghe language], RSUH, Moscow, Russia, pp. 166–200.
- Sumbatova, N.R., Lander, Yu.A., with Mamaev, M.H. (2014), *Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [The Dargwa variety of the Tanti village. A grammatical sketch, aspects of syntax], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Turchaninov, G., Tsagov, M. (1940), *Grammatika kabardinskogo yazyka* [A Grammar of Kabardian], vol. 1, Academy of Sciences of the USSR, Moscow-Leningrad, USSR.
- Vassilieva, M.B. (2005), *Associative and pronominal plurality*, Ph.D. Thesis, Stony Brook University, New York, USA.
- Zhiletezhov, Kh.Ch. (2010), "On expressing number in proper nouns in the Kabardian", *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*, vol. 4, pp. 148–155.

Информация об авторах

Ирина Г. Багирокова, кандидат филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1 стр. 1;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; ibagirokova@yandex.ru

Алина И. Баранова, независимый исследователь, Кельн, Германия; baranovaalinka@gmail.com

Юрий А. Ландер, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; yulander@yandex.ru

Information about the authors

Irina G. Bagirokova, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia; bld. 1/1, Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009;

HSE University, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; ibagirokova@yandex.ru

Alina I. Baranova, independent researcher, Cologne, Germany; baranovaalinka@gmail.com

Yury A. Lander, Cand. of Sci. (Philology), HSE University, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; yulander@yandex.ru